

ISSN 1857-016X

ACADEMIA DE ȘTIINTE A MOLDOVEI
INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICA

Colegiul de redactie

Redactor sef: dr. hab. Oleg Levitki (Chisinau)

Redactor responsabil: dr. Vlad Vornic (Chisinau)

Secretar de redactie: Larisa Ciobanu (Chisinau)

Membrii colegiului de redactie:

dr. hab. **Igor Brujako** (*Odesa*), dr. **Valeriu Cavruc** (Sfantu Gheorghe), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chisinau), prof. dr. **Svend Hansen** (*Berlin*), dr. **Maia Kasuba** (*Chisinau*), prof. dr. **Eugen Nicolae** (*Bucuresti*), prof. dr. **Petre Roman** (*Bucuresti*), dr. hab. **Sergej Sanzarov** (*Lugansk*), dr. hab. **Eugen Sava** (*Chisinau*), dr. hab. **Sergej Skoryj** (*Kiev*), dr. **Nicolai Telnov** (*Chisinau*)

Manuscrisele, cartile si revistele pentru schimb, precum si orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redactie al "Revistei Arheologice", Centrul Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural ASM, bd. Stefan cel Mare 1, MD-2001 Chisinau, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция "Археологического Журнала", Центр археологии, Институт культурного наследия АНМ, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the "Archaeological Magazine", the Institute of Cultural Legacy of the Academy of Sciences of RM, bul. Stefan cel Mare 1, MD-2001 Chisinau, the Republic of Moldova

Toate lucrarile publicate in revista sunt recenzate de specialisti in domeniu

Все опубликованные материалы рецензируются специалистами

All the papers to be published are reviewed by experts

ДВА НОВЫХ СТЕПНЫХ КИММЕРИЙСКИХ ПОГРЕБЕНИЯ (К ВОПРОСУ О СЕВЕРОКАВКАЗКИХ ВЛИЯНИЯХ НА ЮГО-ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ В ПРЕДСКИФСКОЕ ВРЕМЯ)

Сергей ФИДЕЛЬСКИЙ, Виталий СИНИКА, Тирасполь

Doa noi morminte cimariene de stepa (despre problema influentelor nord-caucaziene asupra Europei de Sud-Est in perioada prescitică). In articol se publica doua morminte din perioada prescitică tarzie din diferite regiuni de stepa din nordul Marii Negre. Primul mormant a fost descoperit langa s. Hlinaia (Glinoe) din regiunea Nistrului Inferior; prezenta o groapa de forma rectangulara, in care scheletul era depus in pozitie intinsa pe spate, cu capul la vest. Al doilea complex funerar se afla in reg. Stavropol, la Cograj; avea scheletul asezat pe spate cu capul orientat spre sud-vest; groapa sepulcrala nu a putut fi identificata. In amandoua mormintele s-au gasit cupe de lut aproape identice, vase ce constituie dovezi ale unei influente puternice ale culturilor si centrelor de productie nord-caucaziene asupra populatiei de stepa din Europa de Sud-Est in perioada prescitică.

В статье публикуются два погребения позднейшего предскифского периода из различных регионов Степного Причерноморья. Захоронение, исследованное в Нижнем Поднестровье (у с. Hlinaia/Глиное), представляло собой прямоугольную яму, в которой лежал костяк головой на запад. Второй погребальный комплекс был раскопан в Ставропольском крае (Чограй): контуры сооружения не прослежены, костяк был ориентирован головой на юго-запад. В обоих погребениях были обнаружены практически идентичные кубки, свидетельствующие в пользу значительного влияния северокавказских культур и производственных центров на степное население Юго-Восточной Европы в предскифское время.

Two new steppe Cimmerian burials (to the question about northcaucasian influence on South-Eastern Europe during prescythian time). In this article are published two burials of the latest prescythian period from different regions of Steppe Black Sea littoral. A burial place investigated in Lower Dniester region (near Hlinaia/Glinoe village), represented a rectangular pit in which skeleton a head on the west laid. The second funeral complex has been excavated in Stavropol region (Cograj): construction contours were not traced; skeleton has been orientated by a head on the southwest. In both burials have been found practically identical cups testifying in favour of considerable influence of North Caucasian cultures and the industrial centres on the steppe population of South-Eastern Europe during prescythian time.

Key words: South-Eastern Europe, Cimmerian burials, prescythian time, northcaucasian influence.

Принято считать, что погребальные комплексы предскифского времени (киммерийской культуры) Северного Причерноморья представлены двумя группами: памятниками черногоровского и новочеркасского типов (Тереножкин 1976; Махортых 2005б, 26). Подобное деление стало возможным благодаря раскопкам курганов у с. Камышеваха и хут. Черногоровский, а также введению в научный оборот материалов Новочеркасского клада (Иессен 1953, 49-110; Тереножкин 1976, 48, 67-68). При анализе указанного клада А.А. Иессен условно выделял памятники Новочеркасского типа и относил их с осторожностью к культуре киммерийцев (Иессен 1953, 110; 1954, 130). Чуть позже, обладая достаточной базой археологических источников, исследователи уверенней стали отождествлять новочеркасские древности с киммерийцами (Крупнов 1958, 68;

Щепинский 1962, 65). Впоследствии, опираясь на кратко опубликованные результаты раскопок грунтовых могильников в бассейне Кубани, произведенных Н.В. Анфимовым и П.А. Дитлером (Анфимов 1961; 1971; 1975; Дитлер 1961), А.И. Тереножкин выделил две основные (эпонимные) группы памятников позднейшего предскифского периода Северного Причерноморья, связав их с историческими киммерийцами (Тереножкин 1976, 22).

На сегодняшний день в Северном Причерноморье известно 225 захоронений предскифского периода, из которых 129 относятся к черногоровскому, а 96 к новочеркасскому времени (Махортых 2005б, 29). В свое время для киммерийских древностей была предпринята попытка выделения локальных зон на примере черногоровских погребений (Дубовская 1993, 137, рис.72; 1994, 15-18, рис.

1). Однако схема, предложенная О.Р. Дубовской, была поставлена под сомнение С.В. Махортых, который представил свой, условный, вариант, выделив шесть территориальных групп (Южнобугская, Приднепровская, Орельско-Самарская, Крымская, Восточно-украинская и Дунайско-Днестровская) предскифских памятников Северного Причерноморья (Махортых 2005а, 183; 2005б, 28-29). Культурно-хронологические концепции О.Р. Дубовской и С.В. Махортых не бесспорны, но работы этих исследователей ценны представленными сводками погребальных памятников предскифского времени в Северном Причерноморье. По количеству погребальных комплексов самыми многочисленными группами являются Приднепровская (89 памятников) и Дунай-Днестровская (48 памятников). Причем в Дунай-Днестровском регионе основная часть киммерийских захоронений известна преимущественно в Нижнем Поднестровье. Только по предварительным подсчетам на берегах Нижнего Днестра отмечено около 60 памятников киммерийского времени, из которых 44 располагались на левом берегу (Фидельский 2006, 342). В работе С.А. Фидельского, кроме погребальных комплексов, были учтены и случайные находки (Гербино, Маяки, Белгород-Днестровский), «клады» (Тирасполь (?), Пуркары), а также, несколько захоронений (Бутор 1/3, 3/5,8, 9/4; Великодолинское 1/3,6,7,9,10, 2/1,2), которые на основании ряда признаков, в частности погребального обряда, могут быть отнесены к киммерийской культуре (Мелюкова 1974а, 79-80, рис.1; 1974б, 58, 60-61; Субботин, Черняков, Ядвичук, 1976, 190, 198). Этим объясняется имеющееся несоответствие с данными С.В. Махортыха, который анализировал в своей работе только инвентарные комплексы (Махортых 2005б, 29).

На данный момент в научный оборот введено достаточное количество памятников предскифского периода, что позволяет более детально изучить погребальный обряд и материальную культуру киммерийских племен Северного Причерноморья (Махортых 2005б, 5, 313-367). Однако можно с уверенностью сказать, что в настоящее время существует и довольно большое количество раскопанных в разное время памятников, которые остаются неопубликованными.

В 1995 году Днестровской археологической экспедицией был исследован курган 1, расположенного на северной окраине с. **Глиное Слободзейского района Молдовы**, слева от трассы Тирасполь-Днестровск, на плато второй надпойменной террасы р. Турунчук (рукава р. Днестр). Высота кургана составляла 1,5 м, диаметр - 45 м.

В ходе археологического изучения кургана было установлено, что первичная насыпь была сооружена над погребением эпохи энеолита (?). Кроме того, в кургане были выявлены шесть погребений ямной

культуры, четыре катакомбной, одно культуры многоваликовой керамики (?), одно предскифское, одно позднекочевническое и 33 погребения XVIII века. Основная цель данной статьи - публикация предскифского (киммерийского) погребального комплекса - **погребения 8 кургана 1**.

Погребение было обнаружено в насыпи кургана на глубине 0,76 м и на расстоянии 1 м к югу от центрального репера, который был установлен на его вершине. Погребальное сооружение представляло собой яму прямоугольной формы с закругленными углами, ориентированную по линии запад-восток. Длина погребального сооружения 1,8 м, ширина 0,65 м и глубина 0,76 м от уровня обнаружения. Заполнение ямы состояло из чернозема, в его верхней части встречены фрагменты дерева, которые являлись остатками от деревянного перекрытия.

Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Лицевая часть черепа была повернута вправо. Руки слегка согнуты в локтях под тупым углом, правая располагалась вдоль тела, левая также вытянута, её кисть находилась на тазе. Ноги погребенного были положены с разворотом вправо и слегка согнуты в коленях. Под костяком, а также на дне погребальной камеры прослежен белый глян от растительной подстилки (рис. 1,1,2). В погребении были обнаружены лепной кубок, каменный оселок и окислы от удлинённого железного предмета, вероятно кинжала.

Описание находок:

1. Лепной кубок стоял на дне погребальной камеры перед лицевой частью черепа. Сосуд изготовлен из плохо отмученной глины с примесями из белых частиц. Обжиг несквозной и неравномерный. Глина светло-коричневого цвета. Внешняя поверхность неровная, шероховатая, плохо залощена. Кубок небольших пропорций с округлым туловом, слабо выделенной шейкой и плоским дном. Венчик хорошо выделен, сильно отогнут наружу, край его округлой формы. По всей окружности тулова зафиксирован орнамент в виде девяти параллельных поясков ногтевых вдавлений-насечек. Высота кубка составила 14,5 см. Диаметр тулова равен 17,7 см, по венчику 13,4 см и дна 8 см (рис. 1,3).

2. Каменный оселок, изготовленный из плотного песчаника, находился слева у тазовых костей погребенного. Изделие прямоугольной формы со слегка утолщенной средней частью и с приостренным в профиле нижнем краем. Внешняя поверхность хорошо отшлифована. В верхней части предмета зафиксировано сквозное отверстие диаметром 0,5-0,9 см. Длина оселка 13 см, ширина 2,8 см, толщина 1,3 см (рис. 1,4).

3. У южной стенки погребального сооружения в 9 см от кисти правой руки был отмечен сильно коррозированный **железный предмет** (рис. 1,1). Судя по его сохранившемуся контуру (остатки лезвия с

черенком), следует предположить, что в захоронение вместе с костяком был помещен железный кинжал. Сохранившаяся длина клинка составляла 35 см.

Точильные бруски (оселки) являются «почти обязательной принадлежностью киммерийских воинских захоронений» (Тереножкин 1976, 146). По данным С.В. Махортых оселки, которые он отнес к орудиям труда, были обнаружены в 23 черногоровских и в семи новочеркасских погребениях Северного Причерноморья (Махортых 2005б, 64-65, 102-103). Им же была предложена классификация каменных оселков, включающая три основных типа (Махортых 2005б, 36). На основании указанной разработки рассматриваемый оселок относится ко второму типу, т.е. его ширина превосходит более чем в два раза, но менее чем в четыре раза его толщину. Именно этот тип является самым распространенным в киммерийское время. Место расположения данного предмета в погребении указывает на то, что он подвешивался к поясу, к которому крепилось и оружие (кинжал).

К сожалению, отсутствие целого предмета не позволяет сравнивать и железную находку из рассматриваемого погребения с какими-либо известными на сегодняшний день киммерийскими кинжалами, для которых учтены зоны распространения и представлены подробные классификации (Тереножкин 1975, 3-34; Членова 1975, 70-81; Вальчак 2005, 138-150; 2008, 6-25). Вероятнее всего, кинжал был подобен железным образцам с эфесами упрощенной формы, не имеющими гарды-перекрестья, из п.1 к.2 у Енджи, п.1 к.1 у Великой Александровки, п.1 к.1 у Златоустовки и п.4 к.1 у Урсоаи (Тереножкин 1976, 42, 43, рис.16,11; Кубышев, Полин, Черняков 1985, 147, 148, рис.3,15; Дубовская, 1997, 193, рис.3,1, 4, 2,3; Брюяко, Гизер, Дзиговский 1997, 47, рис.1,9-11; Вальчак 2005, 156).

Найденный в погребении кубок, судя по форме и размерам, очень близок к одному из типов керамики, которые получили широкое распространение в памятниках предскифского периода Северного Причерноморья (Тереножкин 1976, 167-169; Махортых 2005б, 72.74. 107). Подобные кубки относятся к столовой посуде, которая обычно отличается хорошим качеством изготовления и лощением. В данной ситуации необходимо отметить, что рассматриваемый кубок по своим параметрам и форме соответствует столовой керамике, но в связи с тем, что изготовлен небрежно, по качеству он тяготеет к кухонным сосудам. Подобный же случай встречен в новочеркасском п. 13 к. 6 у с. Головковка, где была обнаружена лепная корчажка с поверхностью аналогичного качества (Полин, Тупчиенко 1994, 159; Махортых 2005б, 34, рис. 78,7).

Важным элементом, отличающим киммерийские кубки, является их орнаментация, зафиксированная как в черногоровских, так и в новочеркасских погребениях. На предскифских кубках в основном встречается резной орнамент, но в некоторых случаях для его нанесения использовался и зубчатый штамп (Тереножкин 1976, 168). Наиболее разнообразны по стилю и композиции орнаменты встречены на кубках новочеркасского периода, что позволило выделить для них три группы орнаментальных мотивов (Гаврилюк 1979, 32-35). Зафиксированный же на рассматриваемом сосуде орнамент, не соответствует ни резной, ни штампованной техникам нанесения и практически не встречается в известных нам памятниках степной зоны юга Восточной Европы (Дубовская 1993; 1997; Махортых 2005а-б).

Единственным исключением, является практически аналогичный сосуд из погребения 1 кургана 14 группы Чограй IX на северо-востоке Ставропольского края, отнесенный О.Р. Дубовской к категории «кубки и кубковидные сосуды» (Дубовская 1997, 189, рис. 4,19)'.¹

Курган 14 распахивался, имел высоту 0,6 м и диаметр 26-28 м. В кургане было обнаружено 9 погребений: пять погребений начала средней бронзы, два - финала средней - начала поздней бронзы, по одному - предскифского и сарматского времени.

Погребение 1, относящееся к предскифскому времени, было расположено в центральной части насыпи в 3,20 м к ЗЮЗ от её центра. Конструкция погребального сооружения не прослеживалась, погребённый обнаружен на глубине 0,51 м от R0. Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине с завалом на левый бок, ориентирован на ЮЗ. Череп лежал на левой стороне, лицевой частью к северу, нижняя челюсть располагалась на верхнем эпифизе левой плечевой кости. Ноги вытянуты, сближены к стопам, вместе с костями таза находились в положении «на спине». Позвоночный столб изогнут по дуге, грудная клетка развёрнута влево. Правая рука слегка согнута в локте и вытянута вверх скелета. Кости правого предплечья располагались поверх позвоночника, кисть - поверх крестца. Левая рука вытянута перед скелетом к ССВ (рис. 5).

Лепной черноглиняный орнаментированный кубок стоял в 25 см к северо-западу от черепа погребённого. Сосуд имел плавно отогнутый венчик с уплощённо-скругленным сверху краем. Дно плоское, переход от дна к тулову скруглен. Внешняя поверхность темно-серого цвета. Высота сосуда 10,5 см, макси-мальный диаметр - 11,4 см, расположен в 5,0 см от дна сосуда. Диаметр дна 4,5 см. Внешний диаметр устья 7,6-7,8 см, внутренний - 5,2 см. Вся верхняя поверхность тулова, за исключением

1 Авторы выражают благодарность к.и.н. С.Б. Вальчаку за консультации и к.и.н. М.В. Андреевой за разрешение опубликовать комплекс из Чограя.

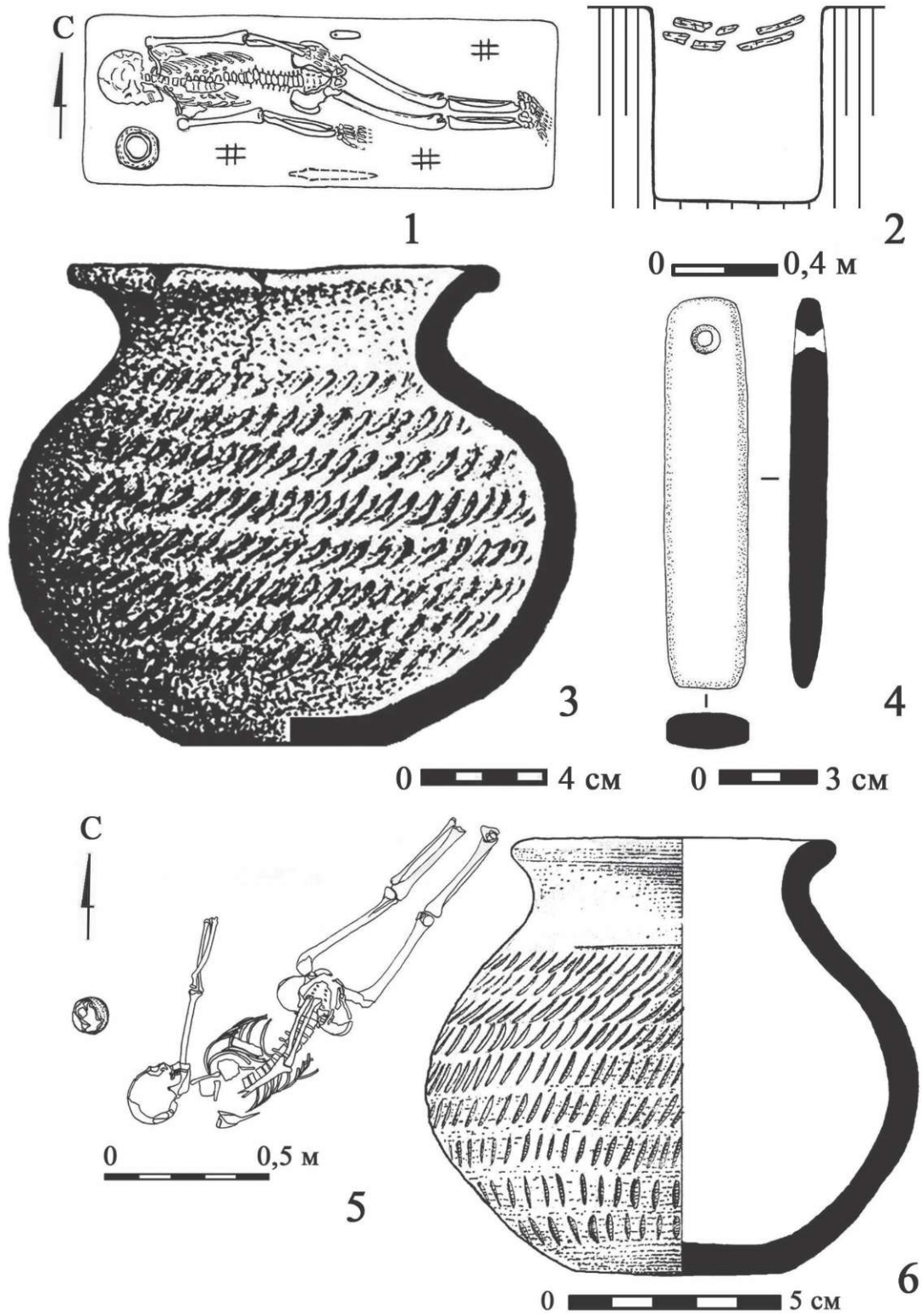

Рис. 1. 1-4 — погребение 8 кургана 1 у с. Глиное (Нижнее Поднестровье);
 5-6 — погребение 1 кургана 14 курганной группы Чограй IX (Северный Кавказ).

придонной части (1,0 см от дна), орнаментирована девятью горизонтальными рядами косых насечек (ногтевые вдавления, расстояние между рядами до 0,2 см), что абсолютно аналогично орнаменту кубка из Глиного (Андреева, Ульянова 1986, 122, 123, рис. 547, 550, 551, оп. №153) (рис. 1,6).

Варианты такого орнамента: «короткие косые насечки, ногтевые, пальцевые и семечковидные вдавления» (по терминологии В.И. Козенковой), являются одной из характерных особенностей керамики Кисловодской котловины и её окрестностей, одного из микрорегионов в рамках ареала западного варианта кобанской культуры. Этот орнамент встречается в основном на «корчагообразных» и «банкообразных (горшках)» сосудах тарно-хозяйственного назначения грубой лепки с шероховатой поверхностью (Козенкова 1989, 66, 68, рис. 8; 1998, 90, 91, табл. XXXI). Кубков, аналогичных по форме рассматриваемым сосудам из Глиного и Чограя, среди посуды кобанской культуры нет. Оба сосуда представляют собою синкретическое явление, в котором совмещены типично «степная» форма и типичный орнамент одного из микрорегионов кобанской культуры Кавказа. Относительная территориальная близость погребения из Чограя IX к основному ареалу такого орнамента, казалось бы, объясняет это явление влиянием культуры и традиций пограничного региона. Но практически полностью аналогичная находка из Глиного свидетельствует о более сложных процессах. В первую очередь, о тесной связи кочевого населения западных и восточных окраин восточноевропейской степи в предскифский период, что демонстрирует зыбкость основы предпринятых попыток выделения некоторыми исследователями культурных отличий у различных территориальных групп памятников степного региона (Дубовская 1993; 1997; Махортых 2005а-б).

Как уже было отмечено выше, обычно считается, что памятники киммерийской культуры представлены двумя самостоятельными группами: черноморовской и новочеркасской, которые различаются элементами погребального обряда и вещевыми комплексами. Однако есть и определенные черты сходства, которые характерны для обеих групп. Во-первых, практически все киммерийские погребения являлись впускными, но для новочеркасской группы известны и основные захоронения, большая часть которых исследована в Дунай-Днестровском междуречье (Тереножкин 1976, 90; Ванчугов, Островерхов 1984, 57; Яровой, Кашуба, Махортых 2002, 292). Во-вторых, такие погребальные сооружения представлены простыми ямами прямоугольной или овальной формы, а также ямами с подбоями. В-третьих, каждое погребение обычно содержало по одному костяку. В-четвертых, в погребальном обряде использовалось дерево, в том числе и для перекрытия, а также растительная подстилка.

Определенные сходства наблюдаются и в вещевом комплексе. В черноморовских и новочеркасских погребениях встречаются такие виды инвентаря как точильные бруски, железные кинжалы и керамическая лощеная посуда, наряду с такими распространенными видами находок как удила и псалии, наконечники стрел (Ромашко 1992, 60). Всё это свидетельствует о синхронности двух групп памятников на некотором временном промежутке.

В сложившейся ситуации основными критериями при определении, к какой именно группе киммерийских памятников относятся погребения из Глиного и Чограя, остаются положение и ориентировка погребённых, хотя в последнее время данные признаки, по вполне справедливому мнению некоторых исследователей, не всегда играют решающую роль (Махортых, Скорый 2004, 253). Вместе с тем мы считаем, что поза и ориентировка погребённого достаточно уверенно могут свидетельствовать о принадлежности киммерийского погребения у с. Глиное к новочеркасской группе памятников Северного Причерноморья, также как и погребения из Чограя IX.

Не менее важным моментом является определение хронологических рамок совершения этих погребений. К сожалению, состав вещевого комплекса не обладает столь внушительными диагностическими признаками, каковыми наделены предметы конской упряжи, вооружения и некоторые другие информативные категории находок. Обычно основываясь на анализе этих информативных изделий, исследователи определяли возраст киммерийских захоронений, относя их либо к черноморовской, либо к новочеркасской ступени (Тереножкин 1976). В последнее время исследователи считают возможным активнее привлекать и керамику в качестве хронологических индикаторов, что вносит определенные коррективы в ранее разработанные временные колонки (Махортых 2005б, 119). Эта идея и ранее высказывалась рядом украинских археологов, которые считали, что столовая керамика для степных памятников Северо-Западного Причерноморья является, чуть ли не единственным массовым хроноиндикатором (Брюяко, Гизер, Дзиговский 1997, 46).

В нашем случае, на основании имеющихся лепных кубков трудно определить дату рассматриваемых степных захоронений, т.к. аналогичная керамика с подобной техникой нанесения орнамента в памятниках степи за исключением указанных случаев не зафиксирована. Кубков, аналогичных по форме рассматриваемым сосудам из Глиного и Чограя, среди типичных форм посуды кобанской культуры нет.

В работах 1980-х годов для сосудов с ногтевой орнаментацией предлагались даты в рамках конца II тыс. - 1-й пол. VIII в. до н.э. или «не позднее 1-й пол. VIII в. до н.э.» - для погребения 7 мог. Индустрия-1 (Афанасьев, Козенкова 1981, 168.174, рис. 5,15).

В более поздней работе эти же формы финальной бронзы В.И. Козенкова рассматривает как прототипы только для категории «тарные сосуды», оставляя для категорий «корчагообразных» и «банкообразных» VIII-VII вв. до н.э. (Козенкова 1998, 90, 91, сравн.: табл. XXX, 1-5 и XXXI, 1-5.8.10.11.14.15).

Время существования подобной орнаментации в районе Кавминвод определяется в рамках VIII-VI вв. до н.э. (Козенкова 1998, 90, 91), пик её применения, по нашему мнению, приходится на 2-ю пол. VIII - середине VII в. до н.э. Именно в это время, особенно с конца VIII в. до н.э., на классическом Новочеркасском этапе, влияние протомеотской и кобанской культур Северного Кавказа становится отчётливо заметным далеко за пределами их ареала.

Хотя близкие по форме сосуды найдены, по мнению некоторых исследователей, в степных комплексах черноговровской ступени (Грушевка, к. 1, п. 3, Красное, к. 5 п. 3), намного больше их было обнаружено в новочеркасских погребениях (Огородное, к. 1, п. 9, Пришиб, к. 4, п. 25, Яблоня, к.4, п.1, Дальник, к. 1, п. 1). Список находок сосудов с аналогичными морфологическими признаками можно было бы и продолжить. Все эти погребения, кроме атрибутированных как черноговровские, были датированы серединой VIII - началом VII в. до н.э. и отнесены к третьей хронологической группе (Махортых С.В., 2005б, 123-124.128.134.136.139.264-265.272). Учитывая морфологические особенности глинянского и чограйского кубков, сходные с упомянутыми сосудами, можно предположить, что погребения, где они были обнаружены, датируются

аналогичным периодом, т.е. серединой VIII - началом VII в. до н.э.

Найденный в погребении оселок не может быть датирован точнее, чем VIII-VII вв. до н.э. Форма железного кинжала или меча, как указывалось выше, не может быть определена. Тем не менее, большинство цельножелезных находок этой категории, происходящие из закрытых археологических комплексов Восточной Европы, могут быть датированы не ранее 2-й пол. VIII, но и не позднее середины VII в. до н.э., что, по периодизации С.Б. Вальчака, в основном соответствует третьей хронологической группе (фазе, этапу) предскифского периода (Вальчак 2003; 2005, 154-157; 2008, 16-19).

Указанной дате не противоречит преобладание на третьем этапе новочеркасской ступени (по периодизации С.В. Махортыха) таких элементов погребальной обрядности, как захоронение в простых ямах, использование растительной подстилки, западная ориентировка костяка, а также предметов вооружения (железные кинжалы, точильные бруски) (Махортых 2005б, 272-273). Таким образом, можно констатировать, что киммерийское погребение, исследованное в кургане у с. Глиное, является органической частью группы новочеркасских памятников позднейшего предскифского времени на левобережье Нижнего Днестра. Кроме того, кубки из Глиного и Чограя - ещё одна категория находок, которая подтверждает известный факт значительного влияния северокавказских культур и производственных центров на степное население всего юга Восточной Европы в предскифское время.

Библиография

- Андреева, Ульянова 1987: М.В. Андреева, О.А. Ульянова, Отчёт о работе Чограйской археологической экспедиции в 1986 году. Архив ИА РАН, Р-1, №11910, 11910а (Москва 1987).
- Анфимов 1961: Н.В. Анфимов, Протомеотский могильник с Николаевского. В сб.: Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т.П (Майкоп 1961), 123-126.
- Анфимов 1971: Н.В. Анфимов, Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья (Проблемы скифской археологии). МИА 177 (Москва 1971).
- Анфимов 1975: Н.В. Анфимов, Новый памятник древнемеотской культуры (могильник у хут. Кубанского). В сб.: Скифский мир (Киев 1975), 35-51.
- Афанасьев, Козенкова 1981: Г.Е. Афанасьев, В.И. Козенкова, О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска. СА 2, 1981, 161-177.
- Бруяко, Гизер, Дзиговский 1997: И.В. Бруяко, С.Н. Гизер, А.Н. Дзиговский, Новые памятники предскифской эпохи из Северо-Западного Причерноморья. В сб.: Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварских культур (IV в. до н.э. - IV в.н.э.) (Тирасполь 1997), 43-48.
- Вальчак 2003: С.Б. Вальчак, Вооружение всадников и конская сбруя юга Восточной Европы в предскифский период. Автореф. дис... канд. ист. наук (Москва 2003).
- Вальчак 2005: С.Б. Вальчак, Классификация, вопросы происхождения, развития и хронология некоторых кинжалов и мечей предскифского периода. В сб.: Древности Евразии: от поздней бронзы до раннего средневековья (Москва 2005), 138-160.
- Вальчак 2008: С.Б. Вальчак, Хронология и генезис мечей и кинжалов с рукоятями округлого сечения в предскифский период (VIII-VII вв. до н.э.). В сб.: Военная археология (Сборник материалов семинара при Государственном Историческом музее), вып.1 (Москва 2008), 8-25.
- Ванчугов, Островерхов 1984: В.П. Ванчугов, А.С. Островерхов, Позднекиммерийский курган близ Одессы. В сб.: Новые археологические исследования на Одесчине (Киев 1984), 57-65.
- Гаврилюк 1979: Н.А. Гаврилюк, Лощеная керамика степных погребений предскифского времени. В сб.: Памятники древних культур Северного Причерноморья (Киев 1979), 20-40.
- Дитлер 1961: П.А. Дитлер, Могильники в районе посёлка Колосовка на реке Фарс. В сб.: Сборник материалов по археологии Адыгеи, т. II (Майкоп 1961), 127-187.

- Дубовская 1993: О.Р. Дубовская, Вопросы сложения инвентарного комплекса черногоровской культуры. Археологический альманах 2, 1993, 137-160.
- Дубовская 1994: О.Р. Дубовская, Локальные зоны черногоровской культуры (по материалам скорченных погребений). РА 2, 1994, 15-29.
- Дубовская 1997: О.Р. Дубовская, Об этнокультурной атрибуции "новочеркасских" погребений Северного Причерноморья. Археологический альманах 6, 1997, 181-218.
- Иессен 1953: А.А. Иессен, К вопросу о памятниках VIII-VII вв. до н.э. на Юге европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.). СА XVIII, 1953, 49-110.
- Иессен 1954: А.А. Иессен, Некоторые памятники VIII-VII вв. до н.э. на Северном Кавказе. В сб: Вопросы скифо-сарматской археологии (Москва 1954), 118-131.
- Козенкова 1989: В.И. Козенкова, Кобанская культура. Западный вариант. САИ. Вып. В2-6 (Москва 1989).
- Козенкова 1998: В.И. Козенкова, Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. САИ. В2-5 (Москва 1998).
- Крупнов 1958: Е.И. Крупнов, Киммерийцы на Северном Кавказе. МИА 68 (Москва 1958).
- Кубышев, Полин, Черняков 1985: А.И. Кубышев, С.В. Полин, И.Т. Черняков, Погребение раннежелезного века на Ингульце. СА 4, 1985, 144-154.
- Махортых 2005а: С.В. Махортых, Черногоровские древности Северо-Восточного Причерноморья. В сб: Древности Евразии: от поздней бронзы до раннего средневековья (Москва 2005), 183-200.
- Махортых 2005б: С.В. Махортых, Киммерийцы Северного Причерноморья (Киев 2005).
- Махортых, Скорый 2004: С.В. Махортых, С.А. Скорый, О киммерийской (новочеркасской) группе памятников юга Восточной Европы. В сб: Rimmerowie. Scytowie. Sarmaci. (Krakow 2004), 231-258.
- Мелюкова 1974а: А.И. Мелюкова, Раскопки курганов у с. Буторы Григориопольского района. АИМ в 1972 г., 1974, 77-95.
- Мелюкова 1974б: А.И. Мелюкова, Работы Западно-скифской экспедиции. АИМ в 1973 г., 1974, 53-77.
- Полин, Тупчиенко 1994: С.В. Полин, Н.П. Тупчиенко, Новые киммерийские комплексы из Кировоградской области. Международная конференция «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. II. (Запорожье 1994), 158-160.
- Субботин, Черняков, Ядвичук 1976: Л.В. Субботин, И.Т. Черняков, В.И. Ядвичук, Некоторые проблемы древнейшей истории Северо-Западного Причерноморья (по материалам раскопок курганов у с. Великодолинское). МАСП 8, 1976, 186-201.
- Ромашко 1992: В.А. Ромашко, Юмершью скорчеш похования новочеркасько! групи. Археолопя 3, 1992, 60-65.
- Тереножкин 1975: А.И. Тереножкин, Киммерийские мечи и кинжалы. В сб: Скифский мир (Киев 1975), 3-34.
- Тереножкин 1976: А.И. Тереножкин, Киммерийцы (Киев 1976).
- Фидельский 2006: С.А. Фидельский, О киммерийцах в Северо-Западном Причерноморье (по материалам нижнеднепровских погребений). Первая абхазская международная археологическая конференция (Сухуми 2006), 341-345.
- Членова 1975: Н.Л. Членова, О связях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная с Востоком в киммерийскую эпоху. Studia Thracica, 1. Фрако-скифские культурные связи (Sofia 1975), 69-90.
- Щепинский 1962: А.А. Щепинский, Погребение начала железного века у Симферополя. КСИА АН УССР 12, 1962, 57-65.
- Яровой, Кашуба, Махортых 2002: Е.В. Яровой, М.Т. Кашуба, С.В. Махортых, Киммерийский курган у пгт. Слобозея. В сб.: Северное Причерноморье: от энеолита к античности (Тирасполь 2002), 279-343.

Сергей Фидельский, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета, ул. 25 Октября 128, 3300 Тирасполь; e-mail: fidel1975@mail.ru

Виталий Синика, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета, ул. 25 Октября 128, 3300 Тирасполь; e-mail: sinica80@mail.ru